

Александр Смулянский

ЖЕЛАНИЕ ОДЕРЖИМОГО

НЕВРОЗ НАВЯЗЧИВОСТИ
В ЛАКАНОВСКОЙ
ТЕОРИИ

Александр Смулянский
Желание одержимого

«Алетейя»

2017

УДК 159.972
ББК 88.37

Смулянский А.

Желание одержимого / А. Смулянский — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906860-17-0

Невроз навязчивости, или так называемое обсессивно-компульсивное расстройство, долгое время вслед за Зигмундом Фрейдом являлось предметом интереса психоаналитиков. Сегодня интерес этот начал угасать, причиной чего является недостаточное осмысление посыла, составляющего существо работы Фрейда в области структур навязчивости. Тексты Жака Лакана, проблематизировавшего фрейдовскую мысль, содержат материал, проработка и развитие которого позволяют вновь вернуть обсессии теоретический потенциал. В работе подчеркивается, что вклад Лакана позволяет изучать и анализировать симптоматику навязчивости не как индивидуальное нарушение, а как структуру, широко обнаруживаемую в психическом устройстве современного субъекта. Книга освещает ряд феноменов душевной жизни субъекта навязчивости – таких как борьба за признание, взаимоотношения со своим симптомом, любовная жизнь и фобические явления. Работа адресована психоаналитикам, философам и широкому кругу лиц, интересующихся фрейд-лакановским психоанализом и проблематикой современности. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.972
ББК 88.37

ISBN 978-5-906860-17-0

© Смулянский А., 2017

© Алетейя, 2017

Содержание

Невроз навязчивости и тревога психоаналитика	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Смулянский
Желание одержимого: невроз
навязчивости в лакановской теории

© А. Смулянский, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Невроз навязчивости и тревога психоаналитика

Выступление на презентации «Желания одержимого»

Мы говорим сегодня о неврозе, который в перечне известных психоанализу расстройств традиционно следует под вторым номером. Речь о нем обычно заходит, когда необходимо перечислить все то, что находится после истерии, – именно тогда вспоминают про Obsessive Compulsive Disorder, находящуюся в тени номера первого. Этого радикально недостаточно, и о навязчивости приходится говорить еще и еще, поскольку нечто связывает с Obsessive Compulsive Disorder не только современного субъекта как такового – субъекта, которого иногда называют субъектом капиталистической системы или субъектом, чьи основания были заложены в сочетании модернистской философии и просвещенческой педагогики, – но и субъекта в том его виде, в котором он обнаруживается на уровне, открытом Фрейдом. На этом уровне субъект не может увидеть, какой объект для Другого он представляет, и слепота его, как мы знаем, организована определенным образом, в регистре сопротивления. Невроз навязчивости, являясь наиболее полным воплощением этого регистра, указывает на то, что опыт Фрейда действительно может быть поверен и у него есть определенные основания. Я забегаю вперед, намекая на то, что истерия, при всей ее сплетенности с зарождением аналитического мышления, такой прочной основы предоставить не может. И поэтому здесь, в стенах Музея сновидений Фрейда, я хотел бы говорить о том скрытом беспокойстве, которое сопровождает упоминание этого невроза. Беспокойство это носит именно профессиональный характер, оно является уделом аналитиков и выражается в той крайне скупой речи, которая неврозу навязчивости обычно адресуется.

Очень трудно представить себе, чтобы современные аналитики, поддерживающие определенные исследовательские стандарты, стали бы неврозом навязчивости специально заниматься. Дело не только в вопросах моды, хотя последняя красноречиво говорит о том, что именно сегодня занимает умы психоаналитического сообщества, объединяющегося возле наследия Лакана. В нем мы встречаемся с разного рода штудиями, посвященными психозу. Также анализ все активнее осваивает территорию детской комнаты – например, в тех формах, в которых он посвящает себя нейротипичным субъектам. Но аналитики никогда не уделяют достаточно времени навязчивости. Создается впечатление, что Obsessive Compulsive Disorder настолько хорошо исследована, что у них как будто бы нет оснований заниматься ей специально. Впечатление это ошибочно, и я намереваюсь показать, что именно в теме невроза навязчивости наличествует то, что может вызвать у психоаналитика настоящую тревогу.

Именно по этой причине после Фрейда, буквально умолявшего обратить на невроз навязчивости особое внимание, и за исключением Лакана, открыто заявившего, что с теорией, которая никак не может определить сущность этого невроза, что-то не в порядке, мы не встречаем в аналитической мысли каких-либо ярких посвященных ему прозрений. Напротив, все известное на его счет до сих пор вполне укладывается в пространство медицинского психиатрического дискурса. Другими словами, навязчивость, в отличие от истерии, перверсии или психоза, не стала причиной ни одного из ярких психоаналитических открытий. За исключением нескольких бесценных страниц Лакана, проливших совершенно иной свет на структуру Obsessive Compulsive Disorder и неизбежность ее появления в субъектной структуре, невроз этот долгое время находился в тишине произносимых о нем тривиальностей.

У этого несомненно должна быть какая-то причина, и заключаться она может лишь в том, что у аналитика, как я хочу показать, есть основания поднятия этого вопроса остерегаться. Основания эти хорошо проявились в ходе семинара, проведенного Жаком-Аленом Миллером в Барселоне, где ему был задан вопрос: чем именно симптом навязчивости отличается от симптома истерического? Миллер в своей характерной манере отвечает, что симптом истерический

очевиден, тогда как о симптоме навязчивости можно сказать лишь то, что он не явлен. Ответ этот следует понимать в особом режиме, который идет вразрез с медицинской практикой, считающей, что именно навязчивый невроз содержит наиболее яркие проявления сугубо невротической патологии, в частности выражающиеся в навязчивых мыслях и действиях. Но Миллер делает совершенно верное замечание, потому что в пространстве психоанализа действительно не существует узаконенной возможности говорить о навязчивом симптоме. В его многообразных проявлениях, распространяющихся на все сферы психической жизни, перед нами вырисовывается то, что можно назвать «субъектом как таковым». В этом навязчивость и заключается: не являя себя прямо, она господствует в той области, где субъект формируется, и занимает его бытие целиком.

Это несет для аналитика определенную угрозу, потому что навязчивость в этом виде не позволяет работать с собой так, как позволяют работать даже такие наиболее изысканные и сложные явления психической жизни, как психозы. Чем привлекателен психоз, так это тем, что он напоминает, чем ранее была привлекательна истерия: у него есть предмет – нечто в субъекте, что оказывается ему чуждым настолько, что об этом можно говорить предметно и совершенно открыто. В психозе мы встречаемся с бредом или с каким-либо специфическими образованиями в личности, которые позволяют судить о природе страдания и делать определенные заявления на этот счет. Здесь, как это ни странно, специалист практически ничем не рискует. Сколько бы ни говорилось о том, что психоз бросает аналитику вызов, мы не замечаем, чтобы предупреждение Лакана имело какой-то смысл и кто-то перед психозом пасовал, – напротив, специалист в работе с ним всегда готов проявить отчаянную смелость. Это означает, что психоз не вызывает в нем никакой тревоги. Даже опасаясь, что ему не удастся справиться, психоаналитик проявляет готовность работать с тем, что уже определено и потому придает ему мужества, поскольку никак не касается его собственной позиции. Выигрыш или проигрыш аналитика в каждом из подобных случаев могут быть довольно отчетливыми, но они ничего к его бытию не добавляют.

С навязчивостью все обстоит наоборот: мы знаем, что успех в ее анализировании настолько тонок и расплывчат, что в отдельных случаях разница между началом и завершением анализа сказывается лишь в нюансах. Тем не менее именно в работе с этим неврозом есть нечто такое, что затрагивает саму позицию психоаналитика. Замечает это именно Фрейд: работая с Человеком-крысой, наиболее известным и крупным случаем навязчивости в истории психоанализа, Фрейд ловит себя на том, что ему приходится говорить о симптоме навязчивости на том же языке, на котором анализант ему о своих тревогах и симптомах повествует. Другими словами, он неожиданно обнаруживает, что лишен почвы, – ощущение, которое при работе с истерическими пациентами его не посещало. Если в отношении истерических случаев Фрейд занимает метапозицию, поскольку у него есть аналитический язык, который он может с определенной долей уверенности предложить истеричке, то в анализе навязчивости Фрейд обнаруживает, что способен лишь повторять за субъектом. Пациент накидывает Фрейду массу разрозненных фактов и разнообразных случившихся с ним происшествий: это и небольшая сумма, которую он задолжал некоему лейтенанту и которую приходится отдавать с ухищрениями, это и попытка сойти на станции для того, чтобы сесть в другой поезд и вернуться в место, куда возвращаться ему не надо, это и обстоятельства, связанные с его влечением к даме, ненависть к отцу и масса всего прочего, не связывающегося в единое целое даже на уровне аналитической интерпретации. Фрейду приходится заметить, что, по существу, все психиатрическое знания, на которое он, даже существенно от него отойдя, продолжал опираться в случае истерии, ничего здесь не дает именно потому, что в своем дискурсивном обликии это знание лишь дублирует навязчивость. Бесчисленное количество раз тавтологично повторяя, что субъект навязчивости страдает от обсессивного повторения, медицинская наука становится ничем иным как материалом, который сам навязчивый субъект прекрасно усваивает еще на первом

шаге своих взаимоотношений с медицинским текстом – не существует невротика навязчивости, который не был бы в курсе основных проявлений своего страдания.

Обнаруживая, что его собственная позиция находится в этом анализе под вопросом, Фрейд предпринимает решительный шаг, последствия которого я сейчас покажу, указав также на то, что этот шаг, в какой-то степени снова поставив анализ на твердую основу, сделав навязчивость явлением аналитическим, тем не менее заводит Фрейда в своего рода тупик. Этот тупик не позволял аналитикам никуда двинуться до тех пор, пока в вопрос навязчивости не вмешивается Жак Лакан.

Что делает Фрейд, чтобы выйти из пут навязчивости и прекратить бессмысленный поток обстоятельств, которыми анализант с ним делится, но которые, по существу, к пониманию случая не продвигают? Фрейд предполагает, что ему следует действовать так, как он действовал в случае истерии: искать значение. Мы знаем, в чем, собственно, состоит метода Фрейда в ее классическом обличье: существует содержание явное, и в то же время существует нечто такое, чего это содержание не касается, но косвенно на него указывает. То есть в случае, когда нам явлено одно содержание, необходимо искать другое. Оно может быть дано на уровне метафоры – например, быть кардинально противоположным, как в случае вытеснения враждебных ощущений, прикрытых маской любви или уважения – или же метонимически обнаруживаться в стороне, то есть быть непохожим на первично предъявляемое в анализе содержание, но при этом представляющим некий психический процесс, который в этот момент оказался неподатливым. Так или иначе, Фрейд полагает, что в данном случае на значение вполне можно положиться. Поэтому он начинает распутывать клубок всего того, что пациентом ему наговорено, и постепенно картина складывается в ее совокупности, поскольку обнаруживается все то, что Фрейд предчувствовал и хотел обнаружить. Обретает свое место и враждебное отношение к отцу, и садистическая фантазия с крысами, связанная с возможностью осуществить любовный акт, несомненно подкрепляющая не столь далеко отстоящее от этого случая рассуждение Фрейда о недомоганиях в сексуальной жизни, свойственных навязчивому типу, который способен реализовать себя сексуальным образом только в том случае, если со стороны объекта имеет место какая-либо поврежденность. Важно, что Фрейд не ошибается в этом отношении и проводит эту фантазию строго по тому ведомству, где ей и место, – не являясь фантазией садистической, она сопряжена исключительно и только со слабостью желания, в целом навязчивому невротическому присущей.

Тем не менее Фрейду приходится спасовать, когда анализант предлагает ему наиболее интимное обстоятельство, сопряженное с его отношением к отцу: эпизод неполной мастурбации перед зеркалом, которую пациент совершает каждый вечер, выходя в холл после своих институтских занятий, – мастурбации, которая была отцу адресована так, как если бы он мог вернуться в виде призрака, поскольку к тому времени он был уже мертв. Фрейду приходится искать скрытое значение и он предполагает, что здесь имеют место два противоположных импульса. С одной стороны, это импульс любви к отцу и, с другой стороны, импульс враждебности как доказательство отцу того, что его мнение больше не имеет значения. Обратив внимание на совершившийся, по его мнению, вызов, бросаемый невротиком отцовской власти, Фрейд в то же время признает, что в чем-то он заходит в тупик и навязчивая фантазия для него до конца не ясна. Помимо колебания от враждебности к любви и уважению, в ней не удастся больше ничего усмотреть.

Это показывает, что в ходе поиска значений Фрейду до известной степени не удалось вырваться за пределы того Воображаемого, как сказал бы об этом Лакан, которое навязчивость аналитику предлагает. Можно сказать, что явное содержание так и осталось явным и разгадки поведения пациента Фрейд не достигает. Упирая на значение как на существующее возможное истолкование навязчивого действия – позиция, которую Фрейд занимал и впоследствии, в чем можно убедиться из его «Лекций по психоанализу», где он говорит о том, что любое повторное

действие может найти толкование в биографическом материале, – Фрейд тем самым в какой-то степени откладывает навязчивость на потом. То, что оказывается годным для истерии и действует в ней именно потому, что толкование вызывает у пациента активное неприятие, в случае навязчивости воздействия не оказывает. Более того, Фрейд наталкивается на то, что навязчивый субъект в анализе достаточно подготовлен не только для того, чтобы воспринять толкование, но и чтобы в должной мере оценить его красоту интеллектуально, что и означает в его случае сопротивление.

Именно здесь обнаруживается важная вещь, впоследствии подвергнувшаяся почти полному забвению и восстановленная лишь Лаканом, а именно логическое соположение навязчивого симптома и собственно аналитической сцены.

Выяснилось, что невротик навязчивости – это не истерик, воспринимающий толкование как нападку на то, что ему лично дорого – на желание, которое он холит и лелеет, оберегая в истерическом молчании. Невротика навязчивости таким образом с толку не собьешь. Какое бы знание ни давал ему аналитик, оно для него не оказывается тем, в чем бы он обнаруживал нечто для себя неизведанное, выходящее за границы его собственной рационализации. Другими словами, он не обнаруживает там себя самого, но зато превосходно способен идентифицироваться с местом, откуда интерпретация исходит.

В итоге Фрейд блестяще, как он обычно это делал, продемонстрировал именно пределы анализа в тот исторический момент, когда анализ впервые с навязчивостью начинает работать. И когда после более чем сорокалетнего молчания к этой теме подходит Лакан, он в первую очередь предполагает, что ключ к толкованию навязчивости искать нужно вовсе не здесь. Если Фрейд еще видит в ярких симптомах навязчивости, в компульсивностях, obsessions, постоянных самопроверках, которые невротик навязчивости предпринимает, какой-либо след угасшего, но реального психического процесса, приведшего к развитию невроза, то Лакан в случае работы с навязчивостью о ритуальности не говорит вовсе. Многократно описанная в медицинской литературе внешняя симптоматология obsessions Лакана не интересует; он сразу устремляется в совершенно другое место, которое позволяет ему обойти ловушки, в которые обычно попадают терапевты.

Первая из этих ловушек связана с тем, что невротик навязчивости демонстрирует в анализе послушание. Он настолько в этом отношении контрастирует с истериком, что есть даже выражение, описывающее анализ навязчивого субъекта как «медовый месяц» аналитика. Если в случае истерии аналитик обречен наталкиваться на враждебность, черпая из той самой горькой чаши, с которой столкнулся Фрейд, работая с Дорой, оспаривавшей позицию аналитика, то в случае невротика навязчивости специалист встречается с безграничным к себе уважением. Любые интерпретации принимаются, любое воздействие со стороны аналитика в случае навязчивости встречает содействие со стороны невротика. В таком анализе, как может показаться, происходит мощная интеллектуальная работа – именно она до такой степени восхитила Фрейда в случае Человека-крысы, что в дальнейшем он отказывал в диагнозе навязчивости всем, кто, по его мнению, не демонстрировал достаточного интеллектуального уровня.

Нет сомнений, что на определенном уровне так и есть: в лице невротика навязчивости перед нами всегда, конечно же, субъект интеллектуальный. Более того, по сути, то самое интеллектуальное состояние современности, в котором мы волей-неволей находимся, пользуясь, хотим мы того или нет, тем, что Лакан называет «знанием», – вся наша специфическая культурность и просвещенность, наша включенность в политическую повестку и в гражданские процессы – по существу, и есть то, что поддерживает характерный для навязчивости рационализированный фон. Любой субъект такого просвещенного типа является неплохим толкователем и даже, если это необходимо, аналитиком всех тех процессов, с которыми он сталкивается. Каждый из нас является, например, стихийным философом или литературным критиком, знающим, как следует встречать ту или иную публикацию или новость. Здесь недостатка в обра-

зовании нет ни у кого. Именно поэтому вся подкованность, которую невротик навязчивости демонстрирует – его неустанный самоанализ, его готовность идти в своем собственном анализе на сотрудничество со своим аналитиком – на поверку ничего не стоят, точнее, стоят ровно того, чего стоит любое вхождение в анализ: перед нами контракт, соглашение на условно мирной основе. Аналитический альянс в таких случаях может длиться сколько угодно – анализ навязчивых невротиков длится годы, в отличие от некоторых анализов истерии, которые склонны заканчиваться внезапно, как это произошло в случае Доры. Навязчивый невротик готов ходить в анализ бесконечно, он принимает все резоны аналитика, он готов учиться и не прочь потом поучить других тому, что он в анализе узнал. Это в ряде случаев сбивает аналитика с толку. Так, Фрейд, окрыленный успехами в случае истеричек, реагировавших на его теоретические разборы сильной тревогой и психическими изменениями, пытается использовать те же приемы с Человеком-крысой. Он предлагает ему аналитическую теорию и немедленно наталкивается на то, что она ничего в субъекте не производит и никаких новых воспоминаний не вызывает – субъект готов бесконечно повторять лишь то, с чем в анализ он уже пришел, так что все попытки с воспроизводимого им содержания его переключить поначалу оказываются бесплодными.

Таким образом, именно благодаря неврозу навязчивости мы видим повод для аналитика задуматься о том, чем является его практика в ее обычном виде. Как правило, считается, что в этой практике существуют вещи, которые нельзя трогать. Помимо сеттинга, на который никто со времен Лакана не покушался, есть еще своего рода пространство взаимного уважения, сотрудничества, т. н. альянса, которое, как кажется, в анализе выходит на первый план. Ни в коем случае не призывая ни к каким революционным изменениям, можно лишь отметить, что общее мнение, будто бы в анализе, который мы называем классическим, происходит именно это, в некоторой степени ошибочно с самого начала. Все эти благолепные вещи удивительным образом оказываются «мимо». В случае истерички это не работает потому, что истеричка аналитику ни на грош не верит и благодушие специалиста лишь подтверждает для нее реальность той циничной лжи, которой, как ей кажется, она в своем окружении опутана. В случае же навязчивого невроза это не работает ровно в той степени, в которой навязчивый невротик готов идти на сотрудничество и без этих проповедей. Это ничем ему не угрожает, это не затрагивает ни его симптом, ни ту навязчивую структуру, на основании которой симптом произрастает. Именно это Лакан и отмечает в первую очередь.

Именно поэтому большая часть анализов навязчивости, какой бы респектабельной ни была сама их практика и какие бы положительные эффекты в отдалении она ни приносила, сводятся в своем роде к дипломатической войне. Пока не наступило нечто такое, что Лакан называет «переломной точкой», изменений к лучшему не происходит, но ухудшений не происходит тоже. Именно поэтому Лакан предполагает, что необходимо что-то еще, но предложить это возможно в том случае, если сам феномен навязчивости будет пересмотрен. Не в последнюю очередь именно это подталкивает Лакана не только к вкладу собственно в теории obsessions, но и стимулирует тот общий вклад, который Лакан в теорию психоанализа совершает, поскольку фрейдовский анализ в самом своем фундаменте был разработан для взаимодействия с истерическим субъектом и предполагает те способы конфронтации, которые способны вызвать реакции именно со стороны последнего.

Напротив, как выше было сказано, невротик навязчивости умудряется аналитика обмануть именно тем, что выше было названо покорностью, даже сервильностью в анализе. Это означает, что, по всей видимости, какого-то знания о невротике навязчивости нам недостает: необходимо более четкое понимание того, как устроена структура навязчивости. Это понимание, как было сказано выше, требует шага за пределы того, что в случае навязчивой симптоматики бросается в глаза в первую очередь.

Возможно, именно это является причиной, по которой теория навязчивости так медленно продвигалась в истории развития анализа. Здесь радикально недостаточно тех средств осмысления, которые готовы зачастую на Obsession потратить. Она кажется настолько безопасной, настолько привычной, что тот фон, который она вносит в анализ укрепляет аналитика в его уверенности, а не разочаровывает. У навязчивости, как у беспроblemного ребенка, очень мало шансов попасть в зону теоретического внимания, стать предметом подлинного исследовательского интереса. Но именно тот обман, та чередa уступок, которые сам аналитик невольно совершает, работая с невротиком навязчивости, потому что к этим уступкам склонен и сам невротик, та система обмена любезностями, в рамках которой такой анализ зачастую протекает, и подсказывает нам, что в данном случае аналитик становится непосредственной жертвой навязчивости.

Происходит так не в последнюю очередь именно потому, что до Лакана не существовало представления о том, что именно в неврозе навязчивости является своего рода пуповиной, местом прикрепления симптома. Если в случае с истерией, как правило, фигурирует пресловутая травма, которую Фрейд пытался в разные периоды жизни обнаружить, так и не найдя, впрочем, для нее определенного места, в случае именно аналитического симптома навязчивости ничего подобного не обнаруживается. Войти в него с той же самой стороны, что и в случае с истерией, практически невозможно – и это при том, что, как уже было сказано, отдельными симптомами этот невроз богат как никакой другой. Это создает интересную, почти скандальную ситуацию в его аналитической теории, которая частично объясняет то самое, адресуемое навязчивости, глухое молчание, о котором было сказано выше.

Что предпринимает Лакан? Первым делом он дает нечто такое, что можно было бы назвать не диагностикой, а скорее аналитическим описанием. В его семинарах невротик навязчивости фигурирует не как невротик с типичными для него навязчивыми идеями, а как субъект, который вступает в определенные отношения с объектом и с наслаждением, которое он может от объекта получить. В действиях невротика навязчивости обнаруживается стратегия, которой он не намерен поступаться и которая до конца анализу не поддается. Это печальная истина, но она является лишь начальным фактом, отправной точкой, поскольку в анализе для этой стратегии открываются новые обстоятельства. Другими словами, невроз навязчивости не прерывается, а развивается, и анализ способен использовать ход этого развития себе же на пользу. В анализе невротик навязчивости может продолжать ту же самую сеть своих маленьких сделок с инстанцией Блага, к которым он чрезвычайно склонен и в своей повседневной жизни. Долакановский анализ ему в этом практически не мешает, если речь идет о классическом анализе, особенно психотерапевтического характера, нацеленного на стабилизацию невроза. Поэтому Лакан замечает, что искать слабое место невротика навязчивости надо именно там, где он выстраивает свои стратегии наслаждения. Эти стратегии никогда не носят такого драматического, яркого, даже мучительного характера, как при истерии. Они напоминают скорее море в спокойную погоду, где колебания незначительны, но при этом существует пункт, где невротик навязчивости не готов потерпеть поражение. Что его интересует в анализе, так это то, что он может выйти сухим из воды. Именно это зачастую ему и удается. Анализ он покидает отнюдь не разочарованным, но тем не менее нечто такое, что характеризует отношения невротика навязчивости с его удержанным Благом – Благом, которое он вырывает у того, кого мы называем «Другим», остается нераспознанным.

Именно поэтому лакановский анализ предоставляет для анализа навязчивости такую прочную основу. В отличие от фрейдовского, он по существу является анализом, адресованным структурам навязчивого образования. Не на это ли указывает то, что большинство базовых лакановских концептов – Воображаемое, прибавочное наслаждение, объект *a* – это элементы, которые в первую очередь позволяют истолковать психический аппарат именно невротика навязчивости и как будто идеально созданы для того, чтобы внести в работу с ним какую-

то новизну. Это, как правило, остается незамеченным, потому что мы привыкли работать с текстом Лакана так, как мы в принципе работаем с теоретическими текстами, где существует некий аппарат, который необходимо усвоить, перед тем как найти ему применение. Читателю Лакана, как ему самому кажется, необходимо узнать, что такое «желание другого», Реальное, Воображаемое, отцовская метафора, что такое тревога, в конце концов. На постановку этого аппарата в мысль – на то, чтобы в представлении читающего он приобрел какую-то связность, выступил бы инструментом чего-то более деятельного, – как правило, уходят годы. Именно из-за этого остается незатронутой тема того, что аппарат этот спровоцирован определенной темой – что, конечно, не означает, что использовать его надо так же узко. У нас, как уже было сказано, не вызывает сомнений то, что фрейдовский аппарат ориентирован на истерику – даже если последнее и обнаружило в итоге свои пределы, например, в работе с психозом. Разрассаться в полноценное учение о началах бессознательной психической жизни в целом это ему не помешало. Но никогда не говорится о том, что лакановский аппарат создан для того, чтобы дать обсессии в своем роде новую жизнь на аналитической сцене и в клинической практике.

Например, что такое тот самый лакановский большой Другой, о котором говорят не только аналитики, но к чьей фигуре прибегают философы, социальные критики, журналисты и даже кинематографисты? Что это за персонаж? Как правило, мы склонны мыслить его предельно общо – справедливо полагая, что этот концепт касается каждого, у нас тем не менее не возникает ощущения, что у его происхождения есть какая-то специфика. Речь идет чуть ли не о божественной инстанции, исполненной смыслами и регулирующей тревогу. Но дело именно в том, что в зависимости от типа невроза необходимо говорить о большом Другом отдельно. Он не остается одним и тем же и в случаях истерии, и в неврозе навязчивости, соответственно, и взаимодействия тех или иных невротических процессов в его отношении тоже не остается чем-то идентичным. Следует сказать, что Другой навязчивого невротика просто идеально устроен для того, чтобы описать его в качестве именно Другого большого, потому что отношения, которые навязчивый невротик с ним поддерживает, по существу, раскрывают нам то, чем является большой Другой для того, что Фрейд называет современной цивилизацией.

Как правило, если кто-то читает издания специалистов современной лакановской школы, то он может увидеть отдельные замечания о том, что у невротиков навязчивости с Другим какие-то проблемы, что он его не знает и знать не хочет в принципе. В каком-то смысле это справедливо: существует весомое подозрение, что в неврозе навязчивости наличествует нотка чего-то, что психологи, не имеющие дела с анализом, называют шизоидной позицией.

Но и аналитики сплошь и рядом упрекают навязчивого невротика в черствости: нам говорят, что по существу он не способен к выстраиванию глубоких отношений с Другим, что нечто мешает ему вступить с ним во взаимодействие.

Толика истины в этом есть. Но истина эта верна лишь потому, что существует другая диспозиция Другого и иной к нему доступ, в котором невротик навязчивости как раз напротив кровно заинтересован. Это доступ, где Другой является носителем категории, которой Лакан уделяет очень много времени, но которой часто незаслуженно пренебрегают, полагая, что в лакановском тексте можно найти вещи поинтереснее. Я скажу об этом пару слов, потому что многие считают, что эта категория не имеет для теории существенного значения, что характерна она лишь для Лакана незрелого, раннего и что впоследствии он успешно преодолевает ее, устремляясь к более интересным предметам. Речь идет о категории «признания».

Много раз можно было услышать о том, что категорию эту Лакан почерпнул не из оригинального аналитического развития, а из философского кружка Кожева, который он посещал еще в довоенный период, и что признанность, играя определенную роль на уровне символического запроса, не является тем, что в понимании субъектной структуры было бы определяющим. Есть, в конце концов, более весомые вещи, к которым подходит поздний Лакан, – например, желание за пределами символического или наслаждение телом.

Это мнение заставляет видеть в посвященных признанию текстах Лакана непроработанные гегелевские остатки, которые, как многие считают, гораздо более остроумно были преодолены уже у Адорно. То есть признанность не кладется нами в основание анализа и, в частности, в основание анализа навязчивости (а это, если говорить статистически, большая часть анализа в принципе). Здесь также наличествует в своем роде сопротивление, когда нас не отпускает впечатление, что признанность – это категория малоинтересная, что она, скорее, отсылает к каким-то суетным, факультативным предметам, что это не то, что в анализе должно происходить и чему стоит уделять внимание. Мы очень сильно ошибаемся, и, по всей видимости, идем на поводу у того же сопротивления, которое характерно для аналитиков в случае работы с навязчивостью в целом. Именно на линии признанности находятся отношения невротика навязчивости с большим Другим.

Что такое признанность? Как говорить о ней так, чтобы не впасть в заблуждения типичного этического сорта, которые заставляет говорить о соискании признания с высокомерностью как о чем-то суетном и факультативном? Не секрет, что поиск признания в некоторой довольно заметной части лакановских последователей считается исключительно утехами Воображаемого. Существует то, что можно было бы назвать «правым» или фундаменталистским лакановским анализом, – я имею в виду тех представителей лакановского анализа, которые склонны полагать, что у Лакана можно найти нечто такое, о чем писали Святые Отцы. Именно здесь, как правило, делается большой упор на суетность заигрывания с мирским, в том числе и с поиском признания, потому что можно ли представить себе что-то более мирское, более секулярное, нежели попытки добиться авторитетности и славы? В той части, где из лакановского Реального делают священного идола, принято полагать, что диалектика признания не имеет к нему отношения в принципе.

Все это вызвано влиянием на восприятие лакановской теории вещей, совершенно ей чуждых, – например, тех, что исходят из областей поиска духовности или экзистенциально-гуманистической психологии. Именно под ее влиянием возникают исследователи, эксплуатирующие учение Фрейда о черте принципа удовольствия, которая якобы отделяет предприятия по-настоящему экзистенциальные и рискованные – исполнение этического долга, трансгрессию, радикальную жертву – от суетных вещей, скроенных по меркам окружающего субъекта символического поля, таких как поиск признания и борьба за авторитетность. Принято считать, что желание из этих вещей не выкроишь, поскольку им недостает чего-то Реального.

Я полагаю, что здесь перед нами опять сильнейшее сопротивление, вызванное не чем иным, как стыдом, и потому по своей натуре, как и все, авансированное стыдом, очень двусмысленное. Как правило, современный субъект стыдится признаться, что для него поиск признания имеет значение. Тем не менее на этот счет очень трудно обмануться, потому что все то, что мы видим вокруг, не просто пронизано этим поиском, но и отчетливо показывает, что движение в этом направлении вовсе не является броском в сторону принципа удовольствия. Напротив, именно там, где субъект пытается найти признание, и подстерегает его тревога. Отделяя поиск признания от тревоги, считая, что в нем субъект от поставленных тревогой вопросов уходит, мы пропускаем очень важную часть формирования невроза навязчивости, в которой поиск признания этот является тупиком, в котором невротик находится постоянно. Именно вопрос признания позволяет творчески подойти к вопросу о том, как устроен Другой обсессивного субъекта и какие манипуляции в отношении желания этого Другого невротик предпринимает.

Досконально пронаблюдав эти отношения, мы получаем возможность установить, что Другой для невротика навязчивости – это не абстрактная фигура, не просто носитель смысла, внутренний собеседник или соглядатай. Воспользоваться максимально общими лакановскими определениями здесь недостаточно – им нужно придать соответствующую специфику. Другой в неврозе навязчивости – это такая фигура, которую субъект избирает по той причине, что, как

ему кажется, она уже добила признанности и теперь обитает в каком-то ином мире, пользуясь авторитетом. В то же время специфика обсессивного отношения к Другому состоит в том, что это фигура вполне реального ближнего, какой-то знакомой субъекту персоны, за которой субъект навязчивости подозревает какое-то злоупотребление. Завидуя ее признанности, склоняясь перед ней и безоговорочно признавая ее авторитет даже в ходе нападок на нее, невротик полагает, что авторитет, которого эта фигура добила, скрывает теперь те недостатки, которые в деятельности этого Другого имеют место и которые навязчивый невротик ревниво усматривает.

Другими словами, вопрос признанности для невротика навязчивости имеет значение не там, где признанности ищет он сам. Безусловно, он ее желал бы, но добиться ее на этом пути ему мешает Другой – тот самый, с которым невротик желал бы разобраться и чьи мелкие преступления он намеревается миру явить. В отношении с Другим обсессик вступает не для того, чтобы добиться признания для себя – на самом деле, для него это слишком сложная задача: присущая ему прокрастинация зачастую сводит на нет все его усилия. Деятельность его активизируется там, где он обнаруживает признание, полученное кем-то другим в области, в которой он смыслит и в которой сам хотел бы подвизаться. Другой приковывает его внимание, поскольку именно на него невротик навязчивости возлагает ответственность за существование института признания как такового. Незаметным для себя образом обсессик полагает, что именно это лицо удерживает все символические стандарты в интересующей его сфере, ведь, с его точки зрения, именно оно задает тон и диктует в ней правила. Тем не менее смириться с этим невротик не может, поскольку всегда обнаруживает, что авторитетная фигура снабжена недостатками – другими словами, она действует не совсем честно и допускает промахи, невнимательность окружающих к которым для невротика подобна острому ножу – ведь если даже эта влиятельная и всеопределяющая фигура неидеальна, то что говорить о всей сфере в целом.

Вот где по существу лежит нерв невроза навязчивости, по отношению к чему все остальные действия невротика, в том числе собственно навязчивые, являются защитным образованием. Именно поэтому возникает в нем то, что наблюдал уже Фрейд: борьба между двумя противоположными душевными движениями к Другому, уважением и ненавистью.

Любопытно, что Фрейду какое-то время казалось, будто бы эти душевные движения имеют место лишь потому, что в субъекте борются противоречивые сексуальные побуждения и поэтому он склонен то наделять объект возвышенными значениями, то напротив ниспровергать его в пропасть. Другими словами, здесь не обходилось без любви. Открытие Лакана по существу заключается в том, что без любви этот механизм прекрасно обходится: Другой невротика навязчивости не интересен ни в каком ином свете, кроме того, в котором он предстает носителем в своем роде похищенного у невротика желания – то есть добивается успеха там, где невротик только-только делает пробные шаги. Поэтому там, где Фрейд все еще предстает скорее субстанционалистом, кладущим в основание субъекта бессознательное с его противоречивыми и конфликтоподобными влечениями, Лакан настаивает на том, что наличие собственной психической жизни не первично, что сама она в качестве чего-то уникального представляет собой скорее теоретический соблазн для психоаналитиков, поскольку у субъекта на деле нет того, что можно было бы назвать первичными и укорененными в нем влечениями, совокупностями катексисов, нагруженностей либидинального характера и т. д. Другими словами, субъект – это не субстанция, являющаяся для этих влечений носителем и контейнером, а нечто такое, что пробуждается к жизни в ту секунду, когда в нем вызывает возмущение желание другого.

Именно невротик навязчивости красноречиво показывает, что желание другого – это не абы какое желание, не направляющая нас надмирная воля или же абстрактная сила рынка, медиа или капитала, а нечто более чем конкретное. Это желание кого-то, кто невротика навязчивости опередил и сделал это, с его точки зрения, не вполне честными средствами. По существу, невротика интересует только это – он готов посвящать перипетиям этой истории все свое

время, даже если он себе в этом не отдает отчета или отдает его лишь частично. В его случае мы видим иллюстрацию того, что желание другого – это нечто такое, что носит глубоко обманчивый, предательский характер. По этой причине, как замечает Лакан, невротик навязчивости и ведет себя так странно – отсюда и берутся разного рода его сложные душевные побуждения и противоречивые поступки, которые аналитиками, работающими с невротиками навязчивости, совершенно верно оцениваются как защита. Что такое защита? Чтобы ответить на этот вопрос нужно понимать, что наши аналитические представления о защите формировались на оси представления о травме в рамках знания об истерическом неврозе. Защита – это нечто якобы призванное заслонить субъекта от невыносимого бессознательного содержания. Содержание это может быть слишком сложным и неприятным для субъекта, для чего он и предпринимает, как казалось Фрейду, учитывающему опыт работы с истеричками, навязчивые действия. Но Лакану удастся показать, что все обстоит не совсем так и что защита, предпринимаемая обсессивным невротиком в виде мыслей и действий – это не защита от собственного промаха, как опять же предполагает Фрейд в случае работы с Человеком-крысой, а защита непосредственно от факта существования желания Другого как такового. Невротик навязчивости в этом смысле находится на довольно высоком теоретическом уровне, поскольку он имеет дело с теми же категориями, что и психоаналитик, и в своем смятении опирается не на те отдельные аффекты, которые Фрейд в этом невротике усматривал – вина, страх, тревога, – а на реальность желания как таковую. Именно с ней он никак не может справиться и именно ей адресованы все те колебания, которые он, если взглянуть в его бытие пристальнее, испытывает каждую секунду. Если истерик не знает, каким именно объектом он является для Другого и где именно он мог бы себя – в виде своего пораженного конверсионным симптомом тела – наслаждению Другого предложить, то невротик навязчивости накрепко сбит с толку теми усилиями, которые Другой предпринимает в области соискания признанности – он ощущает, что от него требуется на эти попытки отреагировать, но не может избрать никакой тактики, которая ему самому казалась бы безупречной.

Это означает, что адресованных навязчивости объяснений Фрейда оказывается не совсем достаточно. Там, где им ищется скрытое содержание симптома, он, хотя и подготавливает почву для дальнейших открытий, упускает тот факт, что невротик навязчивости имеет дело с теоретическими категориями анализа, поскольку они даны ему в психической реальности симптома. Именно по этой причине работа с ним в анализе так осложнена – парадоксальность, которая поначалу Фрейдом была оценена обратным образом: Фрейд не мог нарадоваться на то, до какой степени к теоретической стороне анализа эти невротики восприимчивы (случай человека-крысы). На деле, аналитику трудно избрать в отношении этого невроза стандартную теоретическую тактику, поскольку по отношению к невротичекому навязчивости он не выступает носителем метаязыка. Те категории, которые специалист может использовать в анализе, уже являются для невротика навязчивости историей его симптома и непосредственно составляют предмет его плачевного положения.

В рамках обращения со своим большим Другим невротик навязчивости показывает, что, по существу, категория признания имеет значение именно там, где она лежит в основе сотворения желания. В нынешнее время мы, не в последнюю очередь благодаря усилиям таких мыслителей, как Фуко, Батлер и Бурдьё, привыкли мыслить признание социально-философскими средствами, усматривая за ним агентов, действующих в конкурентном поле, где они добиваются успеха и меряются достижениями, в качестве которых представляют более или менее значимую для сообщества продукцию. Другими словами, речь идет о деятельности, за которой может стоять сколько угодно амбиций, но нет желания в том смысле, в котором мы используем его в психоаналитическом смысле, – желания как отношения с предположительной нехваткой Другого. В мире, созданном для нас французскими социологами, есть множество вещей, но нет собственно того, что побуждает субъекта принимать Другого в расчет иначе как помеху,

препятствие на пути к собственному успеху. Препятствие это в теории того же Пьера Бурдьё выглядит чисто механическим – его необходимо преодолеть, как преодолевают лежащее на пути бревно.

Именно здесь существо навязчивости и упускается. С одной стороны, сам невротик навязчивости то и дело требует рассматривать его в этом ракурсе – поначалу в анализе его мир кажется крайне узким и как будто полностью находящимся на ниве соперничества с Другим, из-за которого его собственные дела якобы не клеятся. Но обманываться здесь нельзя – ни теория Бурдьё, ни Джудит Батлер, хотя они, казалось бы, довольно четко объясняют, как устроен поиск признания, не показывают, где именно находится место тревоги субъекта навязчивости. Каким бы внешне встревоженным и беспокойным этот субъект ни был, именно его ажитация не допускает выхода наружу той тревоги, которая находится в основании его симптома.

Тревога эта обнаружится не раньше, чем аналитику станет ясно, что признание, уже полученное Другим, не делает невротика навязчивости более активным и конкурентоспособным, а, напротив, его обездвиживает. Он не может сделать ни шагу, но не потому, что, как полагал еще Фрейд, он одержим завистью. Когда Фрейд исследует отношения ребенка – особенно мужского пола – с отцом, он предполагает, что в какой-то степени тот величием отца подавлен и что именно это, пробуждая в нем естественное чувство соперничества, в то же время пробуждает в нем страх кастрации, который его стагнирует и не позволяет двинуться вперед, к овладению собственной генитальностью. То, как позволяет нам на это посмотреть предварительная часть предпринятых Лаканом исследований навязчивости, полностью меняет эту картину. Невротик застывает перед своим более успешным Другим, с которым он себя тайно сравнивает – не потому, что успех того непревзойден, а, как раз напротив, по той причине, что невротик обнаруживает в нем существеннейший изъян: Другой ему кажется полностью лишенным тревоги.

Опыт этот всем нам без исключения знаком, поскольку сегодня в доступных оценке и сравнению с нами Других нет недостатка. Так, всякий раз сталкиваясь с тем, что уважаемое нами – или же, по крайней мере, формально достойное уважения лицо: преподаватель или чиновник – вдруг сообщает нечто несусветное и полностью опровергает наши представления о том профессиональном уровне, которого он однажды достиг и на котором он должен находиться, чтобы не вызывать тревоги у нас самих, мы сталкиваемся с тенью того, с чем каждый день имеет дело сформированный и выраженный невротик навязчивости. Обнаружив, что однажды взятая высота почему-то вдруг открывает дорогу для различных злоупотреблений, мы склонны роль тревоги в этом недооценивать. Когда мы смотрим на кого-то как на человека, добившегося признания, славы, почета, мы подозреваем, что никакой тревоги у него нет – иначе как бы он мог позволять себе столько очевиднейших промахов? Возмущение обсессивного субъекта по этому поводу не знает предела.

Именно здесь возникает ситуация, которая в последнее время в анализе заявляет о себе все громче и описать которую можно, только показав, как она может поддерживаться в том случае, когда анализ сопрягается с религиозными ценностями. Сопряжение это всегда имеет место: мы знаем, что, если учитывать фрейдовские корни, анализ только и может быть анализом, если он указывает на желание того, кто стоял в основании собирания народов и установления незыблемых, равных для всех правил. При этом мы недооцениваем вытекающую из этого необходимость смирения, поскольку полагаем, что речь о смирении всегда идет в усмирении желания. Желать не более и не большего, чем твой ближний, – вот что считается вытекающей из подлинной религиозности добродетелью. Тем не менее аналитический опыт и здесь показывает, что пресловутое смирение основывается на требовании совершенно иного типа: в нем никто не запрещает желать как угодно и чего угодно, но тем не менее то, что субъект считает непростительным грехом, заключается в отсутствии в желании элемента тревоги. Если чье-то желание кажется от тревоги избавленным, кара последует незамедлительно и будет выражаться именно в появлении на свет невротика навязчивости, который, невольно впадая в грех

осуждения, будет это желание настойчиво и критично преследовать. Другой в его глазах может добиться царских почестей, оказаться почти что в раю – все это, с точки зрения обсессивного субъекта, ему простительно. Но чуть только даже при самом малом наблюдаемом успехе Другого невротик не обнаружит в нем аффекта тревоги, как механизм навязчивости в виде требования восстановить справедливость и поставить Другого на место появится непременно.

Что исходя из этого можно сказать о том, что собой представляет невротик навязчивости тогда, когда удачливым и нечестивым Другим он не занят? Прежде всего, это субъект, который о своей тревоге ничего не знает. Его собственная тревога не дана ему в принципе, поскольку волнует его только наблюдаемое им отсутствие равновесия между смелыми попытками его поднадзорного Другого и скудными эмоциональными реакциями последнего по поводу этой чрезвычайной смелости.

При этом невротик навязчивости, если его невроз в достаточной степени развит, обычно идет еще дальше. Он может полагать, что успех Другого в какой-то степени им не заслужен, но возмущает его не это – волю высших сил и случая признавать он обычно способен. Главное, что тот Другой, за которым он наблюдает, реализовал действительно нечто примечательное и достойное интереса и одобрения – то, что мог бы и хотел при более благоприятных обстоятельствах реализовать и сам невротик. Поэтому раздражение невротика навязчивости находится не там, где он просто возмущен успехом более удачливого Другого и уверен, что тот успеха не заслуживает, потому что успех должен был достаться лично ему как более достойному. Ситуация гораздо сложнее и не укладывается в то, что можно было бы назвать «культурной константой», если считать, что сегодня культурная константа – это, прежде всего, соревнование экспертов в различных областях. Но эксперт никогда к своей экспертности не сводится – у него есть какое-то желание, чутко распознаваемое невротиком навязчивости и сказывающееся не столько в успехах эксперта, сколько в его промахах.

Иногда отношения с этими промахами психологи наивно называют «перерастанием». Нам объясняют, что всякий раз, когда мы разочаровываемся в некогда вызывающей наше восхищение фигуре и готовы искать другую (почему-то это обозначается наивным эвфемизмом «идти дальше», хотя никакого движения здесь нет), то происходит это потому, что мы каким-то волшебным образом переросли ее уровень. Все эти объяснения не имеют к аналитическому подходу никакого отношения, поскольку пресловутой категорией «развития» он не оперирует. Речь идет исключительно об отношениях с Другим в рамках симптома, и если говорить о симптоме обсессивном, навязчивом, то на первый план в нем выходят операции с тревогой.

Что происходит тогда, когда фигура, не просто поразившая нас своей компетенцией, но и как будто обладающая знанием, задающим этическое измерение – то есть многообещающая в области всяческой моральной и интеллектуальной добросовестности – когда эта фигура вдруг обнаруживает изъян на уровне рефлексии своего продукта? Например, там, где она рекомендует воздерживаться от какого-либо способа суждения как наивного или предосудительного, но сама допускает подобное же суждение в других областях. Или там, где Другой представляет высочайший стандарт философствования или успеха в области науки или искусства, он неожиданно допускает нечто такое, что с его позицией как будто не вяжется, – например, берет грант, происхождение которого, как мы считаем, его порочит, или делает заявления, роняющие его с ранее достигнутой высоты, которую тем не менее потерять он уже не может, потому что место за ним так или иначе закреплено. Обнаружение такого рода изъянов всегда является чем-то тревожащим, но у невротика навязчивости они вызывают настоящее возмущение – он буквально не может с этим смириться. Вся его дальнейшая деятельность на уровне требования к Другому строится именно на этом обнаружении. Эволюция, всякий раз происходящая в отношениях с этим Другим у обсессика, заключается в том, что поначалу Другой в его глазах занимает свое авторитетное место по достоинству и только потом это место начинает казаться невротiku занятым в результате злоупотребления.

Эта подмена лежит как в основании навязчивого фантазма, так и в основании фантазма современной публичной среды в целом. Всякий раз наше внимание сфокусировано на субъекте, который поначалу нам казался образцом этических, научных, эстетических и тому подобных стандартов, и вдруг выяснилось, что этим стандартам в части случаев он не соответствует. Все это, таким образом, происходит на уровне того, что Лакан называет «Я-идеалом», который подобное соответствие как раз и призван отрегулировать. Именно возле этого Я-идеала невротик навязчивости и курсирует с неустанностью этического комитета с тем лишь отличием от последнего, что он не имеет ни возможности, ни смелости вынести окончательный вердикт. В результате он мечется между двумя побуждениями – с одной стороны, он как будто уверен в фигуре, к которой прикреплен его взгляд, поскольку ее Я-идеал является также его Я-идеалом – здесь происходит то, что психология неизбирательно и неточно называет «идентификацией», подразумевая под ней всяческое согласие с позицией и методами Другого. В то же время невротик навязчивости не может не видеть, как его кумир, которого он назначает носителем собственного желания, постоянно привносит в его реализацию какую-то порчу. То, в чем навязчивый невротик обвиняет своего кумира, – это предательство, в связи с которым становится неполноценным и бытие такого невротика, что и вынуждает его причинять себе ряд психических неудобств, которые представляют собой типичные компульсивные терзания возле той или иной случайной задачи. Пройти по определенным трещинам в тротуаре или же тридцать три раза прочесть молитву «Отче наш» – все эти типичные испытания, которым невротик навязчивости себя подвергает, служат лишь тому, чтобы проверить себя на прочность перед лицом того напряжения, которому невротика навязчивости подвергает присутствие в его поле внимания Другого, предположительно со своими обязанностями не справляющегося.

Тревога этого Другого, которую тот предположительно по поводу своих огрехов должен испытывать, становится тревогой самого субъекта навязчивости. Проблема навязчивого невротика, таким образом, заключается в том, что он тревожится не своей тревогой – на место, для его собственной тревоги предназначенное, помещается та несостоявшаяся тревога, которую этот невротик силится в Другом усмотреть. Вот та новация, то неожиданное положение, к которому Лакан осторожно подводит, но прямо так и не озвучивает. Тот плотный текст, который в конце десятого семинара полностью адресовывается невротичности навязчивости – а это полторы главы, где Лакан показывает, в чем именно пресловутая одержимость (obsession) состоит, – является текстом, в котором мы можем расшифровать те пути, по которым проходят не только формирование навязчивого симптома, но и функционирование того, что Лакан называет «тревогой» и «знанием».

Знание навязчивого невротика – это знание о промахах в целом успешного Другого. Тревога навязчивого невротика – это та тревога, которую Другой не испытывает (и поэтому в ее игнорировании повинен, в чем его невротик и упрекает), но которую он должен бы испытывать, и поэтому невротик навязчивости приносит ее дань за него. Этим его страдание и обусловлено. В этом смысле те навязчивые движения, которые он совершает, те вынужденные выборы между плохим и худшим, которые он делает, те неверные шаги, которые он предпринимает, когда спешит совершить действие и понукает себя, а потом обнаруживает, что торопиться не следовало и его поспешность вышла ему же боком, целиком и полностью указывают на присутствие Другого, который свою тревогу презрел и тем самым вынудил внимательного свидетеля его деятельности взять удар на себя.

Любопытно, что, не прибегая к помощи типичного марксистского культурализма, Лакан делает выводы о широком присутствии навязчивого симптома в современности – в том числе там, где индивидуальный анализ его обнаруживает лишь косвенно. Например, наша салонная интеллектуальная культура в области образования в самом широком смысле этого слова – что она такое, как не наблюдение за тем Другим, который поначалу выступает педагогом, водителем, гуру, но потом заставляет нас обнаружить, что высоким стандартам, о которых он гово-

рит, он соответствует не всецело? То, с чем мы никак не можем смириться, что вызывает у нас возмущение и желание раскритиковать его прилюдно, – желание, которое сегодня немедленно удовлетворяется с помощью тех же соцсетей. Чем является сегодня художественная, журналистская или, в конце концов, письменная культура, культура академии? Это всегда культура соревнования на уровне Я-идеала, базирующаяся на ожидании, что признанный сообществом субъект на уровне акта высказывания выдержит те стандарты, о которых он заявляет на уровне содержания высказанного. Перед нами тревога, связанная с тем, что существует некоторое поле признанных, которые, как нам кажется, тревоги больше не испытывают, поскольку их авторитет якобы должен придать им уверенности. По ту сторону этой уверенности, которая может показаться заносчивой и оскорбительной, но которая на деле нас поддерживает и без которой мы сами ни шагу ступить не можем, существует поле, в котором мы неспособны действовать, потому что в том месте, где должно располагаться наше прекрасное творчество, находятся лишь промахи авторитетного Другого, занимающие наше внимание и вызывающие у нас тревогу. В чем ни в коем случае нельзя обмануться, так это во владельце этой тревоги: даже если ее испытываем мы, принадлежит она все равно Другому. В поле, заданном невротом навязчивости, расплачивается всегда не тот.

Это подсказывает нам, почему невротик навязчивости, невзирая на свою условную неанализабельность, связанную в первую очередь с тем, что в анализе он руководствуется той анальной экономикой блага, которой он вообще, как правило, руководствуется, все же в анализ стремится. С одной стороны, аналитик, как правило, невольно идет в этой экономике ему навстречу, поскольку невротик навязчивости всегда организует поле так, что отказать ему невозможно – ведь он готов платить и расплачивается, как правило, еще до того, как об оплате вообще заикнулись. Поэтому анализ навязчивости и длится так долго: продвигаясь благополучно, он тем не менее не может состояться – другими словами, как анализ он не заканчивается. Это первая причина, почему невротик навязчивости или не приходит в анализ, или, приходя, в него какое-то время не вступает, располагаясь поодаль. Аналитик при этом является для невротика навязчивости фигурой, которой он не доверяет так же, как и всем прочим, – его сопротивление не делает для аналитика никаких исключений.

В этом плане все то, что Фрейд, развивая на истерическом материале свое учение о переносе, преподнес последователям как величайшую драгоценность, оказывается в случае обсессии заведомо обесцененным. Обсессик не станет делать то, что делает классический истерический субъект: он не одарит аналитика тем невозможным и странным доверием, которое, делая истерического субъекта в анализе внешне столь несговорчивым, в то же время превращает его в рупор желания аналитика. Напротив – и это вторая причина затруднительности анализа навязчивости – невротик навязчивости представляет собой субъекта, который, как было выше сказано, носит предчувствие знания аналитика в себе самом. Не имеет значения то, что он не в курсе тех неожиданных поворотов, которые в анализе могут произойти: важно то, что он всегда опережает любого собеседника – и аналитик вовсе не становится исключением – по меньшей мере, на один шаг. Его симптом организован не возле каких-то конкретных содержаний или травматических воспоминаний, а возле структуры субъектности как таковой. Иначе быть и не может, ведь то, что ему мешает, – это субъектность Другого, который от невротика ничем, кроме полученной признанности, не отличается.

Неудивительно, что для аналитиков, строго наследующих Фрейду даже там, где они его понимают не до конца, далеко не очевидно, что анализ мог бы как-то разрешить эту ситуацию. Поскольку аналитики не занимают метапозицию знания в отношении невроза навязчивости, как это они так или иначе делают в случае истерии и психоза, приходится признать, что навязчивый симптом вызывает у них самих сильное беспокойство. Нет другого такого пациента, который подошел бы ближе к самым опорам аналитической теории, нежели подобный невротик.

Именно поэтому данный анализ вызывает у психоаналитика особенную тревогу. После всех упреков постструктуралистской философии, потребовавшей признать, что никакого мета-языка нет и что метапозицию мы, даже обладая знанием, не занимаем, для этой метапозиции все еще открываются лазейки. Так, в случае с психотиком или, например, аутистом очевидно, что, о каком бы «равноправии» с ними специалист не заявлял, он в лучшем случае обречен на лукавство. Мета-позицию он так или иначе займет – и не только потому, что названные группы пациентов часто лишены речи или, по крайней мере, чего-то существенного в символическом, но и по той причине, что ни психотический, ни истерический субъект не приносят с собой никакого иного знания, кроме того, что намертво впечатано в их симптом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.